Вначале было Слово...

ЧИТА литературная

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

№ 8 Май–июнь 1997 г.

Ирина,
своим византийством,
пока я глаза разувал,
Вы с "чисто английским
убийством"
сразили меня наповал.
О, грустное сердце
поэта,
Теперь в нем лишь прах
да зола.
Коварна
прелестница эта:
Пришла.
Победила.
Ушла.

НА СНИМКЕ
Евгения Епанчинцева народная артистка России, лауреат Государственной премии Ирина Муравьева.

Малый театр: ажиотаж зрителей не случаен!

Марина Мисютина

Первые дни лета стали настоящим праздником для читинских театралов. С 3 по 12 июня в нашем городе проходят гастроли Государственного Академического Малого театра (художественный руководитель Ю.М. Соломин).

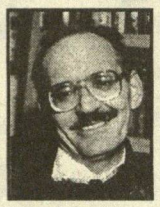
Малый театр, театр поистине легендарный, давно и прочно вошедший в историю русской культуры, порадует нашего зрителя двумя спектаклями: "Дядя Ваня" А.П. Чехова и "Волки и овцы" А.Н. Островского. В постановках заняты известные актеры: народный артист Советского Союза, директор Малого театра В. Коршунов, В. Соломин, И. Муравьева, Э. Марцевич, С. Аманова и другие. В числе прибывших — наш земляк, актер А. Михайлов, который не занят в спектаклях, но проведет несколько встреч со зрителями. Состоится и творческий вечер И. Муравьевой. Всего за период гастролей пройдет 11 спектаклей, один из которых, кстати, был объявлен дополнительно по многочисленным просьбам горожан!

— Идея эта — пригласить к нам Малый театр — возникла давно, еще в начале 90-х, — рассказывает Н. Березин, главный режиссер Читинского облдрамтеатра. — В прошлом году в Читу приезжал министр культуры Е.Г. Сидоров, который и оказал содействие в организации гастролей. Администрация области совместно с управлением по делам культуры направили письмо с предложением о гастролях. Надо сказать, что руководство Малого театра, в частности, Юрий Мефодьевич Соломин, очень хорошо отнеслись к нашему приглашению. Ведь и для братьев Соломиных, и для А. Михайлова Чита — родной город.

Мы очень ждали приезда труппы. Для гостей подготовлена обширная программа: встречи с общественностью, школьниками, военными, творческой интеллигенцией, представителями администрации города и области, также запланированы экскурсия по Чите, посещение музея декабристов, художественного музея, источника Молоковка и многое другое. Надеемся, что гостям понравится.

2 июня состоялась встреча актеров Государственного Академического Малого театра с главой областной Администрации Р. Гениатулиным и пресс-конференция с представителями прессы.

КРАСНАЯ СТРОКА

Михаил Вишняков

Сегодня Михаил—поэт при дворе. Однако работа пресс-секретаря главы областной Администрации, бдение в коридорах власти не мешают ему периодически посещать прекрасный мир поэзии.

* * *

Не страх, а уже неземной холодок
истаявшей жизни, почти бесполезной...
Колодец глубок, только тонкий ледок
еще не проломлен над вечною бездной.
Прощальное время паденья в провал
при полном сознаньи — такое бесстыдство,
где ум наблюдательный не потерял
ни легкой иронии, ни любопытства.

* * *

Ли Бо приснился мне
не по моей вине.
Читинский зимний вечер
струился в бесконечность.
И тени звезд, и жизнь
по космосу неслись.
Ли Бо сказал мне: "Вечность
признала вас как личность
на очень краткий миг
творенья двух-трех книг.
Все остальные свитки —
серебряные слитки
для продолженья лет.
Отринь их как поэт.
Пока твоя Россия
тебя не вопросила
и не востребовала, и
не жгла уста твои,
молчи Китайскою стеной,
как я, в свой век земной."

Запись в блокноте

Даже вагоны от вздоха качнулись.
Синие сопки... Родные места.
Наши ребята живыми вернулись.
"Вальс возвращенья"
сыграй им, Чита.
Всем наступило прощенье.
Всем, кто вернулся живой.
Памятен день,
день,
день возвращенья,
день возвращенья домой.

Белые церкви в их честь не звонили,
лишь осенила старушка крестом.
Слава те, Господи, жизнь сохранили.
Ради чего — разберутся потом.
Всем наступило прощенье.
Всем, кто вернулся живой,
памятен день,
день,
день возвращенья,
день возвращенья домой.

1997 г.

Давнее воспоминание

Как сладостны вешние думы!
Как весел уключины скрип!
Никто еще рано не умер.
Нелепо никто не погиб.
Байкал накренился на север
и тянет, дышучий, резвей,
и зернь серебристую сеет
на смуглые плечи друзей.
Один, словно ветер, порывист.
Другой, словно ношу несет.
Их судьбы вразнос да навыхлест
российская бездна пошлет.
Душа, возвышаясь, мятется
и ранним прозреньем горчит.
Вампилов гребет и смеется.
Распутин гребет и молчит.
А небо пестрит от волненья,
пьянящи от солнца гудки.
И слава, и волны забвенья
еще далеки-далеки.

* * *

Болен мозг перегрузками
уходящей эпохи.
Что мне "старые" русские?
Что мне "новые" лохи?
Есть душа моя — звонница
на вселенском ветру,
с ней, седеющей вольницей,
доживу и помру.
Столько было завещано
в этой жизни шальной...
А любимую женщину
схороните со мной.

1997 г.

* * *

Босоножки сняла на крыльце.
Свет включила и он рассиялся.
Но лицо? Я не видел в лице
то, что помнил, чему поклонялся.
Красоты не убавилось в нем,
лишь в глазах
с напряженным вниманьем,
озаряясь моим же огнем,
проявились чужие признанья.
Так в словах замирающий звук
завершает банальную повесть.
И упали, как письма из рук,
два билета на завтрашний поезд.
Машинально часы подвела.
Ничего говорить мне не стала.
Зябко теплым плечом повела
и, как ночь над землей, замолчала.
Так бывало лишь в раннюю рань,
когда руки и губы сомлели,
только груди сквозь тонкую ткань,
как две белые яхты, белели.
Я смутился. Я знал, что гроза
разразится, — следил очень строго.
Но сверкнула в ресницах слеза,
как звезда над гурбанской дорогой.
Накатилось. Нахлынуло. О!
Онемело сознанье и тело.
О, как быстро столетье прошло...
О, как рано душа отзвенела...

В НОМЕРЕ:

Евгений Куренной
Вступление в повесть "Осенняя сухмень"

Ал. Алешкин
"Последний Пушкин на Руси". Эссе

Виктория Балябина
Рассказы

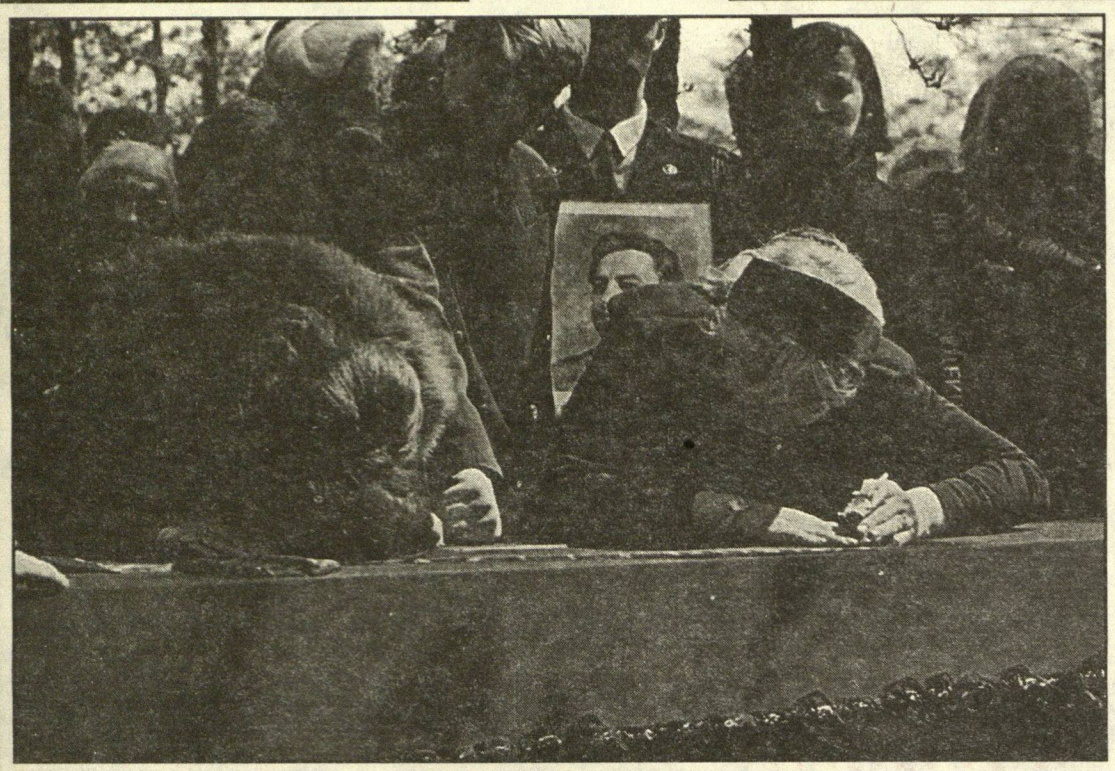
Николай Кузаков
"Поползень Степашка"

Ом. Бахаев
"Простейший ход". Проза

Анатолий Громов
Ал. Кошехов
Природа и мы

Георгий Юргенсон
Документалистика

СКОРБЬ

Евгений Куренной! Как много для нас в этой фамилии. Курень — это основа человеческого бытия, прочное начало крепкого рода, это, если хотите, — корень жизни. Объединение куреней и составляет народ.

Герои его произведений всегда высокой нравственности люди. Если бы он поднялся сейчас, если бы посмотрел на двух чудовищ, трусливо из-за спины поднявших руку на человека, делающего им добро — он не поверил бы!

О какой нравственности здесь может идти речь?!

Все произведения Куренного дышат теплом и заботой о родной земле, о родине, о человеке. ЧЕЛОВЕКЕ с большой буквы, разум которого направлен на созидание, а не на разрушение.

А как Евгений Евстафьевич любил природу! Почитайте его повести, рассказы, новеллы, монологи и вникните в них. Ведь что ни страница, то золотые россыпи художественного слова. Ярко представляешь себе то, что автор хотел сказать…

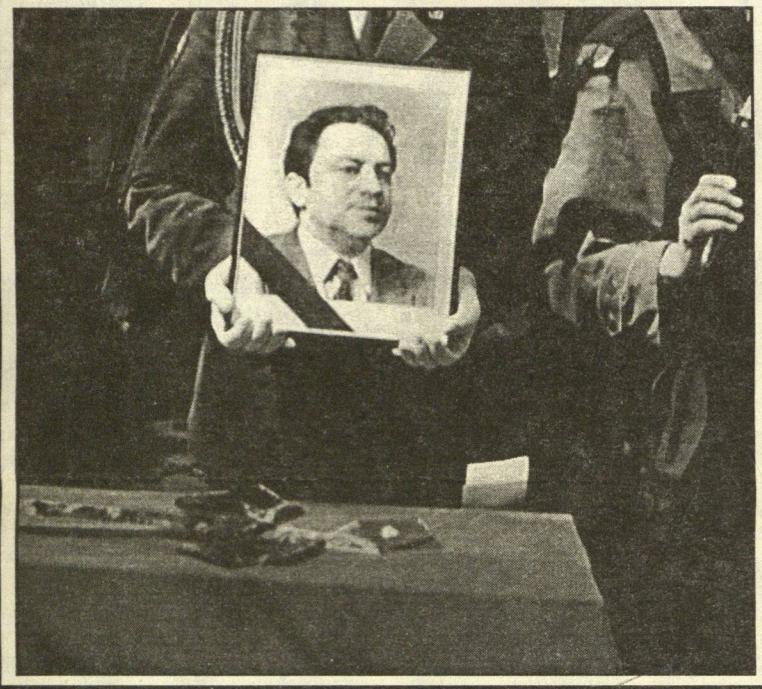
Не было безысходности и пессимизма в прозе писателя. Критикуя сложнейшие перипетии сегодняшнего дня, он с надеждой смотрел в будущее. Возрождение нового у него связано с возрождением весны. Как трепетно, проникновенно у Куренного возрождалась природа:

"Был март. Дни стояли звонкие и ласковые, по утрам снег еще хрустел, точно вафельный, но пригревало солнце — заводила тихую песнь капель. Падая, грустно всхлипывали сосульки".

Евгений Евстафьевич смотрел на мир через зоркую призму честности и благородства, был добрым, отзывчивым, красивым мужчиной. Он как тот голубь в рассказе "Белан". Казалось, будто небо притягивало его к себе. И сравняться с ним не мог никто: он всегда был над всеми, выше всех, сильнее всех…"

Все мы, знавшие и любившие его, передадим светлую память новым поколениям. Евгений Куренной ушел от нас в читательское бессмертие.

Зоя ЗЕЛЕНСКАЯ.
ФОТО В. ДИАНОВА.

Евгений Куренной

ОСЕННЯЯ СУХМЕНЬ

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОВЕСТЬ

Отшумела, отбуянила в пору весеннего паводка, в грозовые летние ливни, а теперь успокоилась. Еще недавно клокотала, опрокидывая сушу; подмывала тальники; играючи топила листвянки, срывая за корни с песчаных откосов; заливала птичьи гнезда, заячьи выводки, но наступил спокойно-прозрелый сентябрь, и в его тиши, как будто отрекаясь от прежней скандальной славы, она вернулась во всегдашние свои берега. Течет просветленная, как чело мудреца.

Менза!

Она бежит с монгольской стороны, пробивая себе дорогу меж горами и собирая по пути многие ручьи и речки, сама — приток Чикоя, который стремится дальше на север — к Селенге, к Байкалу.

Норов ее известен: непокорная, силы немеряной, она не терпит вольного обращения. В лодке отчалил — гляди-поглядывай, шестовину крепче держи; бродом направился — того внимательней будь. Но сейчас она подобрела, и льнет к ней всякая живность.

Берегом идешь — в заводи, у коряжины, чирята полощутся. Довольнехоньки! Заметили тебя — а не улетают: их же тут никто не тревожит. Что на такую страмиду заряд-то изводить?.. Наблюдая за чирками, не уследил, как налетела пара гоголей — пронеслись беломахие над плесом, почти касаясь воды. Тянут вверх по реке — к югу. Совсем улетать не торопятся: солнечно пока, тепло и корму вдоволь. Но утренники все чаще выбеляют инеем низины, и тогда седы берега Мензы, и она, не желая отдавать напасенное тепло, укрывается туманом, будто косматой кошмой, и ворчит, ворчит из-под него.

Вот и протока вчерашняя — уже не протока: за ночь отсохла от реки. И остров, куда бабоньки, обирая в августе черемуху, не могли перебрести, подола не обмакнув, полуостровом сдепахнутую к острову, сошел хмельной от любовного зова изюбр и заревел, презирая опасность. На правом берегу, в деревне, собаки лают, утренний гам стоит — ему все нипочем. Поет!..

Кипит Менза под скалой, пониже деревенской околицы, клокочет на перекате, нещадно хлещет плешивые валы, но нет в ней былой силы. Летом говаривали мужики: "В самом соку Менза!" Сегодня как бы сожалеют: "На ущерб, однако, пошла". И день ото дня она мелеет. Обычная в эту пору сушь, — когда нет еще снега, а дождевая завязь уже не может родиться в остывающем небе, — истощает ключи в горах, с ними слабеют и притоки Мензы.

Предчувствуя скорые холода, спускаются с малых речек таймени, ленки, хариусы, а чебаки из курьюшки чуть не посуху рвутся в большую воду, — и все уходят вниз по течению, к местам зимовий. Следом за ними несет студеная волна отгоревшие листья берез…

Осенью спится глубоко и забвенно, да отрады в том нет.

Прежде, в молоды-то годы, Кирьяныча будило на зорьке близкое и такое доступное тепло жены, но когда это было, он уже запамятовал и теперь просыпается лишь после того, как старуха загремит на кухне ведрами, чугунами и очнется, глубоко вздохнет печь, напоминая, что опять надо вставать, приниматься за работу, которой в избе, на подворье, в тайге никогда не убывает и которую не переделать — хоть век живи.

Краткие несколько минут Кирьяныч лежит с открытыми глазами — руки за голову, — стараясь ни о чем не думать. Но такого, видать, не бывает, чтоб голова опросталась от дум, разве уж — когда пропадешь. Сегодня одна забота, завтра — другая, после — враз три, и так — поденно.

Опираясь рукой о край железной кровати, он приподымается, опускает ноги на холодные плахи — нерушимые плахи, которые сам стелил сорок лет назад. Скоблит щеку, чтобы окончательно стряхнуть ночную отупь, и, придержав просторные и длинноватые для его роста портки, переступает порог из толстого бруса, отделяющий горницу от теплушки-кухни. Подсаживается к столу и смотрит в окно, слабо промытое припоздалым рассветом.

— Пошти што ехать надо, — советует он себе, а сам держится за поясницу. — Эх-хе-хе-е, остарел коняшка, не вытянет уже, как ране. А планты-то у меня на эту осень ишо наполеоновские были. И орехи, и рыба, и белковье… Однако уже не поспею… Наливай, старуха, чаю.

Пока жена к черному настою заварки добавляет крутого кипятку из самовара и две ложки топленого молока, он идет в угол, отодвигает короткую цветастую занавеску, вздернутую на рыбацкую жилку.

— Пошто у тебя, Харламовна, умывальник пустой?

— А ты не бурчи и сам налей, — не обижаясь отвечает Анна Харламовна.

— На вас, баб, как не бурчать? Покуда бурчишь — вы и развиваетесь маленько.

Он приносит из сеней полный ковшик — в нем ледышки звенят, — умывается и так же в портках, босиком возвращается к столу; выпивает, прихлебывая из блюдца, чай и только тогда начинает снаряжаться в дорогу. И поясница поламывает, и ноги — точно кто закандалил, а ехать надо: в хребте, в кедровнике, сыновья ждут. Должно, хлеб у них вышел, сидят на плеснявых сухарях да постном чае. По уговору, еще третьего дня надо было выехать — нездоровье какое-то беспричинное не пустило. А вчера коней искать кинулся — всех унесла лихоманка: один вверх умолотил, на Сенькин луг, два — вниз, к речке Мошковке. И пута на них, а скачут хуже чертей. Куда бегут? Чего ищут?.. Сперва на Сенькином Рычага-дикушу уговаривал, кое-как подманил хлебом. Оттуда, верхом уже, — в Мошковку, все-таки семь километров от Шонуя: зануздал Чалку с Монголом, тоже спасибо не сказали. Так и день прошел…

ПОСЛЕДНИЙ ПУШКИН НА РУСИ

Александр Алешкин,
журналист
Москва

В Москве живет последний прямой потомок великого поэта по мужской линии, 82-летний правнук Григорий Григорьевич Пушкин.

В моем личном архиве хранится драгоценная реликвия: запись на диктофоне беседы с правнуком великого поэта Григорием Григорьевичем Пушкиным. Сделана она в июне девяносто третьего года в Москве, на улице Тухачевского, в типовой 16-этажной коробке. В ней потомок нашего национального гения занимает двухкомнатную квартиру.

Познакомился я с ним в декабре восьмидесятого во Владикавказе, тогдашнем Орджоникидзе, столице Северной Осетии, где работал заместителем редактора республиканской газеты. Мой хороший друг, местный краевед и книгочей Геннадий Кусов пригласил Григория Григорьевича, как говорили ранее, по линии общества книголюбов, которое он возглавлял. Тут надо сказать о том, что Кусов хорошо известен пушкинистам как знаток путешествия Александра Сергеевича на Кавказ в 1829 году. Он — автор книги "Малоизвестные страницы кавказского путешествия А.С. Пушкина". В ней не то что по дням, но буквально по часам и минутам прослежено: где, когда, с кем встречался поэт, какие вел беседы и так далее.

Во Владикавказе у Григория Григорьевича была очень интересная и насыщенная программа: посещение памятных мест, связанных с пребыванием Пушкина в крепости Владикавказ, встреча с ребятами школы, которая носит имя его прадеда.

Но гвоздем программы была поездка в горы. В живописном местечке Даргавс, близ столицы республики, у Кусова дачный домик. В нем мы и провели целый день: Григорий Григорьевич с супругой Марией Ивановной, медсестрой по профессии, ныне, к сожалению, покойной, Кусов и я с десятилетней тогда дочкой Леной, которая

увязалась за мной, чтобы пообщаться с "живым" Пушкиным.

Надо ли говорить о том, что встреча проходила за непритязательным, но обильным столом — с огромной сковородой жареного мяса и картошки, соленьями-вареньями и, конечно же, выпивкой. Правнук, надо сказать, знает толк в добром застолье, как и его великий предок. Но знает в меру, отдавая предпочтение "веселию глас", очень прост, контактен в общении.

Тот день останется памятным на всю мою жизнь. Пушкин охотно рассказывал о своих предках и о себе.

Григорий Григорьевич — внук старшего сына поэта, Александра Александровича. Пушкин его очень любил, как, впрочем, и всех своих детей. Во время разлук с Натали он часто писал ей. А в письмах главная тема — дети, их здоровье, их будущее. "Посмотрим, — писал он в письме 20 апреля 1834 года, — как-то наш Сашка будет ладить с порфироносным своим тезкой (будущим царем Александром Вторым. — **Ал. А.**); с моим тезкой (покойным к тому времени императором Александром Первым. — **Ал. А.**) я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет".

Никто из потомков Александра Сергеевича и не помышлял состязаться с ним в искусстве стихотворца. И с царями они не ссорились, как их предок.

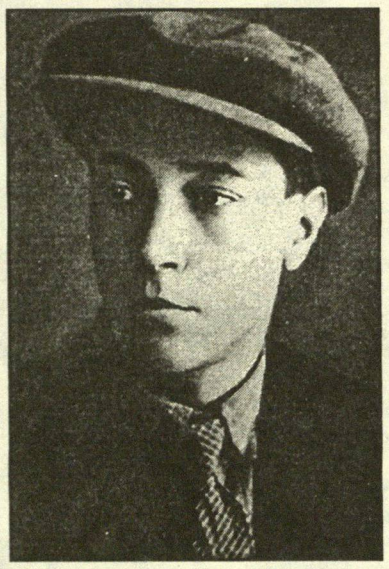
Александр Александрович был профессиональный военный. Дослужился до генерала. Награжден именным золотым оружием "За храбрость". Умер в глубокой старости в 1914 году, в канун первой мировой войны. Успев подержать на руках внука.

Вот что, помню, особенно потрясло меня в тот памятный день в Осетии: моего собеседника держал в руках человек, которого, в свою очередь, нянчил сам поэт! Время, казавшееся немыслимо далеким, приблизилось на расстояние, так сказать, двух пар вытянутых к ласке рук! Всего два человека стоят между великим поэтом и его правнуком, нашим современником.

Сын Александра Александровича, Григорий Александрович (отец нашего современника) также был военным. Полковник царской армии храбро сражался на фронтах первой мировой войны. В годы гражданской добровольно, по убеждению (сказалась-таки кровь мятежного деда!) перешел на сторону большевиков. Потомки Пушкина впервые прописались в Москве в 1929 году, когда Г.А. Пушкину дали квартиру в 3-м Неглинном переулке. В ней Григорий Александрович и скончался 1 сентября 1940 года на 72-м году жизни.

Григорий Григорьевич родился 20 декабря 1913 года в подмосковной Лопасне, родовом гнезде Гончаровых. Жизнь его, можно сказать, типична для людей его поколения, выросших и состарившихся при советской власти. В 1933 году окончил в Лопасне зооветеринарный факультет сельскохозяйственного техникума. Работал во Всесоюзном институте животноводства. В 1934 году взяли в армию. В ней и остался. Участник Великой Отечественной войны. Был разведчиком, брал "языков". Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями. В сорок пятом командир полка вызвал его к себе и сказал: "Сержант Пушкин! Направляем вас в военное училище. Два часа на сборы!" "Но, товарищ полковник, я прошел всю войну с первых дней. И теперь, когда до победы..." "Вот именно, сержант, теперь, когда до победы... Не хочу рисковать вами. А то скажут потомки: не уберегли вы, полковник, потомка великого поэта... Поезжайте, Пушкин, вы свой солдатский долг выполнили честно."

Из армии был демобилизован в сорок шестом по состоянию здоровья в звании старшего лейтенанта. Работал сыщиком в московском уголовном розыске, но большую часть послевоенной жизни, до ухода на пенсию был печатником издательства "Правда". В последние годы — непременный участник пушкинских праздников поэзии, много ездил по стране. В одной из них, как уже было сказано, я и познакомился с ним.

Через несколько лет, уже живя и работая в Москве, позвонил ему и попросил разрешения прийти в гости. Он вспомнил нашу осетинскую встречу и согласился. О ней был опубликован мой материал в "Российской газете". С таким же, кстати, заголовком, который я предлагаю и для уважаемой "Литературной Читы" — "Последний Пушкин на Руси". Потому что в нем самая главная и самая щемящая правда — нашим современником является последний прямой потомок по мужской линии "солнца русской поэзии".

Иногда звоню Григорию Григорьевичу по телефону. Чувствует он себя для почтенного возраста сносно. Недавно, сказал, вернулся из санатория. Добрая, милая женщина Мария Ивановна, с которой они поженились в сорок шестом, померла пять лет назад.

Иногда достаю заветную кассету, вставляю ее в репортерский диктофон и слышу низкий, чуть хрипловатый и печальный голос:

— В России я, Григорий Григорьевич Пушкин, крайний в роду Александра Сергеевича Пушкина по мужской линии. Наследников не будет. Сашка, сын мой (1951–1992. — Ал. А.) продлил бы род. Но он умер. Кончилась его жизнь трагически. Наложил на себя руки. Наследника не оставил...

НА СНИМКАХ: "живая цепочка" от великого поэта до его потомка, нашего современника — сын А.С. Пушкина А.А. Пушкин; внук поэта Г.А. Пушкин; правнук поэта Г.Г. Пушкин.

Старейший забайкальский писатель, любовно называемый в народе "казак Балябин", прожил длиннейшую—в 92 года—жизнь. Редко встретишь в нашем крае семью, в которой бы не было его книг. Многие-многие, теперь уже легендарные годы, рядом с ним шла его жена Виктория Балябина. После выхода ее книги "Аргунеи", ряда публикаций в газетах и журналах стало ясно, какого дара и таланта эта седая женщина. Щедрый русский язык, тончайший лиризм, меткость взгляда, мудрость и прощение за боль и обиды "сего времени"—такова проза бабушки Балябихи.

Хорошо, что на нашей земле, в одной с нами жизни случилось чудо—творчество Василия и Виктории Балябиных.

Виктория Балябина

ВРЕМЯ

Время — великий умелец. Сидит себе на пенечке стар-старичок, лапоточки на нем новенькие, бороденка — сизой куделью; голова вкруг лысины, брови, уши — белым пухом завеяны. Сидит он себе на лесной поляночке и путает, плетет узоры из мгновений, дней, лет человеческой жизни.

Сплетет хитрый узор, поднимет голову и, любуясь на свою работу, улыбнется мудро мглистыми от старости глазами.

Где было горе, где стонала кручина — сады наросли, травы поднялись. Где тяжкие дни черной тучей клубились — чистое небо синеет, солнце светит...

Неужели я жила на Украине? Неужели этот похожий на песню язык был когда-то моим языком? Неужели это не во сне было: молодые отец, мама? Голубой ряст в левадах... ставок под вечерними вербами, и в нем на безлюдье молодой месяц и звездочка купаются?..

Нет уже дорогих моих. И могилы их неизвестно где. Нет и ставка того, и верб, и левад. И той Украины. Все это только в неусыпной памяти моей...

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Вечер пришел тихий, задумчивый, мягкий. Вешняя заря долго не хотела гаснуть и горела, пока сумерки не зажгли первые звезды. С сумерками наплыл на рудник влажный холодок распадков с крепким, пьянящим запахом расцветшей там черемухи. Не было сил усидеть дома, хотелось идти и идти куда-то, говорить с кем-то, смеяться по-девичьи... Возле общежития играл баян, кто-то начал песню и сразу же оборвал. Мимо нашего барака прошла шумная стайка молодежи, в негустой темноте долго светлели платья девчат. Прошли с Венькой по улице, вышли за поселок.

— Вот она, настоящая горная тайга, — сказал он чуть торжественно. — Гляди, вон те горы кажутся близкими, а попробуй доберись до них!

Горы вокруг черные, таинственные, безмолвные. Вдоль дороги то там, то здесь молочно теплятся стволы берез, они будто те рудничные девчата в белых платьях. Все здесь сейчас не так, как днем, — отчужденней, строже, значительней. И дорога, и тайга, словно скинули дневные маски, и под покровом белесого мрака и тишины углубились в настоящую свою лесную жизнь, полную невидимого движения, шорохов, осторожного треска...

Всегда, когда особенно хорошо в природе, светло и грустно на сердце, но поделить это чувство с Венькой нельзя: оно сразу бы померкло, помертвело.

Идем долго и почти безмолвно. Белое облачко над горою слева охвачено легким сияньем — вскоре в том месте взойдет луна.

— Посидим здесь, — просит Венька. Я знаю, что и ему печально и хорошо в этот весенний вечер. Мне жаль его чувство, но что же я сделаю, если мы такие разные, такие далекие душами? Садимся на старую лесину поодаль от дороги. Чуть слышно шепчут листья березы над нами. Луна огромная, багровая медленно поднимается из-за седловины горы. Розоватое облачко над нею походит на распластавшуюся в скачке лошадь с запрокинувшимся на ней всадником. Поднимаясь выше и выше, наливаясь золотом, луна заново отлакировала козырек горняцкой фуражки над узким и сухим лицом Веньки, высветила инженерный значок на лацкане пиджака, окинула нас зыбким кружевом тени березы.

Мы почти не говорим. Венька берет мою руку, молча и жадно целует горячими мягкими губами. Мне неприятно и жалко. Жалко его, себя, этот вечер... Не с тобой, не с тобой бы, бедный мой Венька, сидеть мне под березой этой весенней...

А луна все выше; выплыла на голубой простор в редких звездах, чистым серебром осыпала березы, осины, кусты; отбелила дорогу, залила голубым светом нашу поляну, резко вычертила косые и длинные тени деревьев...

— Вернемся домой, — говорю я Веньке и почти рывком отнимаю руку.

...Печальные, почти враждебные друг другу возвращаемся домой. Венька сел у стола, понурил голову, курит.

Меня мучает жалость к нему и чувство своей вины.

В чем Венька виноват? Почему он должен страдать вместе со мною? Разве не он подал мне руку в тяжкий час? Разве не закрыл меня собою, именем своим от напасти?

Ты не сокол, Венька, не мечтаешь ты над строчками стихов любимых поэтов, не плачешь счастливо от того только, что тихий закат разгорелся, разыгрался на полнеба, не о тебе я думала, когда подростком бродила в полях за селом. Но ты добрый человек, Венька, душа верная, без хитрости, без обмана. Так пусть же торжествует справедливость, пусть наградой тебе станут моя дружба и верность!

Одним словом, взглядом я отгоню сейчас твои невеселые мысли. Я снова стану твоей славной и доброй хозяюшкой. Комнатка наша, пахнущая смолою, лесом, оживится веселым огоньком в печке, согласной беседой, молодым смехом... как будто живет в ней настоящее счастье...

Виктория Измайлова

Начальник, что жив, занудствуя,
Печальник, что нежит грусть свою,
Старик, в богодельне тающий,
И вечно хмельной сосед,
На рынке торговка шустрая…
Мой милый! Я это чувствую!
Когда-то мы были ангелами,
Ангелами! Все!

И явь не казалась прозою,
И душеньки были — розовы.
Бродили коровки божьи
Почти по крыла в росе,

И жизнь не казалась розгою,
А путь выстилала розами,
Покуда мы были ангелами,
Ангелами — все.

Но солнце слепило бликами,
И птицы друг друга кликали,
И мир открывался заново
В своей огневой красе.
На кухне сверчки пиликали,
Часы над кроватью тикали,
А мы становились демонами,
Демонами — все!

…

Весны восторженный фальстарт,
Три первых дня недели первой.
За дело рьяно взялся март,
Акварелист в рубахе серой.

Как славно, сердце отогрев,
На время с миром примириться,
В прозрачной бледности деревь
Жемчужным бликом раствориться

И, потемнев лицом, как снег,
Смятенно, робко и устало
Ступить опять на милый брег
Ручьем омытого квартала!

О родники капельных слез!
Прохожих сдержанная томность!
О жадно дышащих берез,
Домов и неба однотонность!

О туч бродячие стада,
Мальчишек яростные альты!
И обнаженные асфальты,
И бесконечная вода!..

…А мир, немного сголуба,
Дрожит, как птица, под рукою.
И так постыла скорлупа
Одежды зимней и покоя!

Алексей Казанцев

Наш табор был у родника.
Горел костер. Качались тени.
Прижалась ты ко мне слегка
И приставала — съешь печенье.

Смеялись Тоська, Светка, Славка
И под гитару пел Андрей.
И я сказал тебе украдкой:
— Послушать хочешь глухарей?

Как только первый луч рассвета
Пронзит стрелой ночную тьму,
Пойдем по росам, тихо, в кедах,
Я знаю древнюю сосну.

Возле нее уже три года
Я наблюдал впервые ток.
Чудесен был язык природы,
И я не смог спустить курок.

Представь — восход.
Свиданье птичье.
Все речи только о любви.
…Ты улыбнулась безразлично,
Смахнув комарика с брови.

ПОПОЛЗЕНЬ СТЕПАШКА

Ник. Кузаков

Сегодня я не пошел в горы, решил отдохнуть. А погода, как ангельский подарок: мороз за тридцать, солнце светит ярко, но холодно. Тишина. Небо высинено до блеска. А под ним, как под стеклянным куполом, седой лес. Пахнет снегом. После процедур возвращаюсь в номер. Комната просторная. В ней кровать, круглый стол, на котором лежат рукописи и словари, трюмо и мягкие кресла, на полу — ковры. Два широких окна. За ними, отступив шагов на двадцать, стоит приземистая кудрявая сосна, подернутая куржаком. Она день и ночь стережет мое жилище. В номере по-домашнему тепло и уютно. Бродячий дух, живущий во мне, бунтует против этого покоя и тишины. Ему подавай горы и кинжальный ветер.

— Ничего, день потерпишь, не помрешь.

Я открыл форточку и между рамами закрепил коробку из бересты, которую смастерил прошедшим вечером и насыпал в нее семечек. Это пичужкам. Холодно им и голодно. Только после этого сел за стол, подвинул к себе стопку бумаги и крылатое воображение унесло меня в мир героев, который я создавал. После многодневных скитаний по тайге работалось легко и радостно.

Вот до моего слуха донесся мягкий шелест крыльев и еле слышимый стук коготков. Я поднял взгляд. Голова у нее черная, а щеки белые, спина серая, брюшко зеленоватое, а вдоль него — черная полоска. Синица крупная, пушистая, дородная и важная, как есть кулчиха. Она осмотрелась по сторонам, перелетела на кормушку, выбрала самое ядреное семечко и легко упорхнула за угол корпуса. Вскоре с веранды сквозь дверь донесся стук — синица расклевывала семечко.

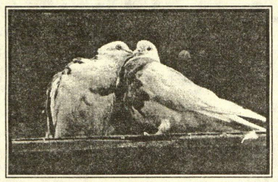
Съев семечко, Купчиха появилась вновь. Я на нее не обращаю внимания, привык. Мы с ней познакомились на второй день моего приезда в санаторий. Она первой обнаружила кормушку с семечками. И теперь каждое утро начинала с того, что летела ко мне в гости. Если форточка была закрытой, а кормушка убранной, Купчиха садилась на переплет рамы, подавала голос и время от времени постукивала по стеклу. Это на ее языке означало: "Ты что, забыл про меня?"

Пока Купчиха с очередным семечком управлялась на веранде, к кормушке прилетели молодые синицы. Тонкие, с длинными хвостами, проворные и быстрые, они суетились на створке, озирались сторожко по сторонам, сталкивали друг друга. Какая-нибудь из них, улучив момент, кидалась к кормушке, хватала семечко и улетала. Оставшиеся еще сильней поднимали возню между собой.

— Не суетитесь вы, — наставляю я молодых синиц. — Пробазарите на створке и останетесь голодными.

Но синицы глухи к моим советам.

Купчиха вернулась. Молодых синиц как ветром сдуло. Они упорхнули к сосне, затаились на ветках и ждали, когда Купчиха улетит. А она кормушку с семечками считала своею собственностью. Купчихе не нравилось это разбойное племя молодых. Она решила оберегать свое добро. Выбрав крупное, ядреное семечко, Купчиха юркнула через форточку в номер и села у меня на столе на словарь.

— Здравствуйте, — говорю я. — Тебя только здесь и не хватало.

Купчиха на мои слова не обращает ни малейшего внимания. Придавив лапкою семечко, клюет его, а сама бусинками черных глаз зорко сторожит форточку.

— Насоришь, а горничная мне выговор сделает, — продолжаю журить Купчиху. — Чего доброго и выселят из номера из-за тебя.

Но у Купчихи свои заботы. Она спешит побыстрей расправиться с семечком. Шелуха летит на листы бумаги.

— Вот видишь, что ты делаешь. Да тебя в порядочный дом и пускать-то нельзя.

А молодые синицы потеряли Купчиху. Ее не было на веранде, где она на перилах расклевывала семечки, ее не было и возле кормушки. Синицы в недоумении: не испарилась же она? А голод не тетка. День короткий. Не успеешь оглянуться, и ночь наступит, морозная, бесконечная. С пустым желудком недолго и околеть. Одна из пичужек, самая нетерпеливая, юркнула к форточке, за ней устремились остальные. Опять на створке началась свалка.

Купчиха подняла голову. Она с явным презрением смотрела на молодых синиц. Вместо того, чтобы семечками утолить голод, они устроили потасовку. Глупые создания. Купчиха вспорхнула и опустилась на бортик кормушки. Ее внезапное появление повергло молодых синиц в ужас: мгновенно они разлетелись кто куда. Купчиха выбрала ядреное семечко и от форточки снова скользнула к моему столу на словарь.

— Скряга ты, а не Купчиха, — журю я синицу. — Как тебе не стыдно? Не одной же тебе в эту стужу голодно. Может быть, и твои дети есть среди этих малолеток.

Но Купчиха спокойно расклевывала семечко. Вдруг она бросила семечко, вытянула шею и насторожилась. Я поднял взгляд: разогнав синиц, у кормушки хозяйничал поползень Степашка. Как он проснался, одному богу известно. Степашка, увесистый, с коротким, словно обгрубленным хвостом и сильным клювом, всегда угрюмый и неприветливый, но зато отчаянно смелый, был любимцем отдыхающих. Каждый полдень он появлялся напротив двери корпуса и, перелетая со ствола на ствол, провожал их до столовой. Потом то же самое проделывал в обратном направлении. Наконец, кто-нибудь протягивал руку, на ладони которой лежали кедровые орехи или семечки. Степашка издавал ликующий крик и летел к щедрой руке. Он был чертовски смышленым. Синица, например, брала семечко, летела на сук сосны, разбивала скорлупу, съедала ядрышко и летела за очередным семечком. На это все уходило много времени. Степашка поступал иначе. Он брал семечко или кедровый орешек, летел к дереву, прятал под корой и тут же возвращался. Разгрузив ладонь, Степашка садился на сук дерева и отдыхал. Затем слетал на ствол и, как кладоискатель, начинал обследовать все трещины и углубления на коре. Ему хватало пищи не только плотно пообедать, но оставалось и впрок.

Увидев семечки в кормушке, Степашка растерялся. Не сон ли это? Провел клювом по кучке — она рассыпалась. У Степашки от радости дух захватило. Он увидел сероватое огуленное ядрышко. Проглотил его. От душистого маслянистого запаха закружилась голова. Только теперь Степашка почувствовал, что он голоден. Ему захотелось немедленно раздробить все семечки разом и насытиться. Но он удержал себя от этого легкомысленного шага. Надо быть пополнзнем, чтобы знать, какое удовольствие доставляет найти спрятанное тобой семечко, а затем на виду у голодных пичужек, не торопясь, всласть его съесть. Степашка схватил семечко и полетел его прятать.

Купчиха зорко следила за Степашкой. Она знала, что у поползня крутой нрав. И ей не хотелось бы отведать удара его клюва. Степашка улетел. Купчиха повременила, потом взлетела и села на бортик кормушки. Огляделась. Степашка уже на лес. Вдруг она бросила семечко, вытянула шею и насторожилась. Я поднял взгляд: разогнав синиц, у кормушки хозяйничал поползень Степашка. Как он проснался, одному богу известно. Степашка, увесистый, с коротким, словно обгрубленным хвостом и сильным клювом, всегда угрюмый и неприветливый, но зато отчаянно смелый, был любимцем отдыхающих. Каждый полдень он появлялся напротив двери корпуса и, перелетая со ствола на ствол, провожал их до столовой. Потом то же самое проделывал в обратном направлении. Наконец, кто-нибудь протягивал руку, на ладони которой лежали кедровые орехи или семечки. Степашка издавал ликующий крик и летел к щедрой руке. Он был чертовски смышленым. Синица, например, брала семечко, летела на сук сосны, разбивала скорлупу, съедала ядрышко и летела за очередным семечком. На это все уходило много времени. Степашка поступал иначе. Он брал семечко или кедровый орешек, летел к дереву, прятал под корой и тут же возвращался. Разгрузив ладонь, Степашка садился на сук дерева и отдыхал. Затем слетал на ствол и, как кладоискатель, начинал обследовать все трещины и углубления на коре. Ему хватало пищи не только плотно пообедать, но оставалось и впрок.

Увидев семечки в кормушке, Степашка растерялся. Не сон ли это? Провел клювом по кучке — она рассыпалась. У Степашки от радости дух захватило. Он увидел сероватое огуленное ядрышко. Проглотил его. От душистого маслянистого запаха закружилась голова. Только теперь Степашка почувствовал, что он голоден. Ему захотелось немедленно раздробить все семечки разом и насытиться. Но он удержал себя от этого легкомысленного шага. Надо быть поползнем, чтобы знать, какое удовольствие доставляет найти спрятанное тобой семечко, а затем на виду у голодных пичужек, не торопясь, всласть его съесть. Степашка схватил семечко и полетел его прятать.

Купчиха зорко следила за Степашкой. Она знала, что у поползня крутой нрав. И ей не хотелось бы отведать удара его клюва. Степашка улетел. Купчиха повременила, потом взлетела и села на бортик кормушки. Огляделась. Степашка уже на лес, скоро ли появится Степашка. Шло время, а он не прилетал. Я надеялся, что Степашка вырвется как-нибудь из когтей ястреба, но он не прилетел и на следующий день.

Степашка был нахал и разбойник, каких свет не видывал, но все равно его жалко. Так глупо погибнуть, да еще и голодному.

■

УРОК СЛОВЕСНОСТИ С... МЕДВЕДЕМ

Александр Кошехов

Изгоду мы с Павлом Федоровичем Гамовым прошли и проплыли от самого истока, который начинается небольшим озером в цирке гольца Сохондо. Добирались до истоков кружным путем. Из Читы до Кыры — самолетом. До Алтана — на редакционном "Москвиче". До Букукуна — на председательском газике. До Букукунского озера на самом гольце и истоков Ингоды — с проводниками из Шумунды. Туристское барахлишко на лошадках, а сами пешком.

Два дня шли до озера. С каждым шагом все выше и выше.

С проводниками распрощались километрах в трех от истоков.

— Теперь не заблудитесь. Держитесь по течению и плывите хоть до Читы, — напутствовал нас Федор Федорович, старший проводник…

Но через пару километров река вдруг провалилась в густую россыпь разнокалиберных скал, и нам пришлось искать обходную тропу. На ней мы и встретились с черным, как смоль, медведем. Белый ошейник однозначно определял его гималайскую породу. Именно она считается самой свирепой.

Столкнулись почти нос к носу. Гималаец шел по своим делам и остановился шагах в семи. Мы, полусогнутые под тяжелыми рюкзаками, мгновенно превратились в памятники. У меня на животе болталась зацепленная ремнем за шею двустволка шестнадцатого калибра.

Хорошо теоретически рассуждать с известной долей бравады "как бы ты расправился с лютым зверем". А вот на практике…

Первым очухался я.

— Стрельба исключается, — зашептал я. — Только в крайнем случае, если нападет. Попробую "договориться".

В голове калейдоскоп мыслей. Вторая половина августа. Ягод — море. Кедровой шишки — тоже. Зверь должен быть сыт. Агрессивность должна быть минимальная…

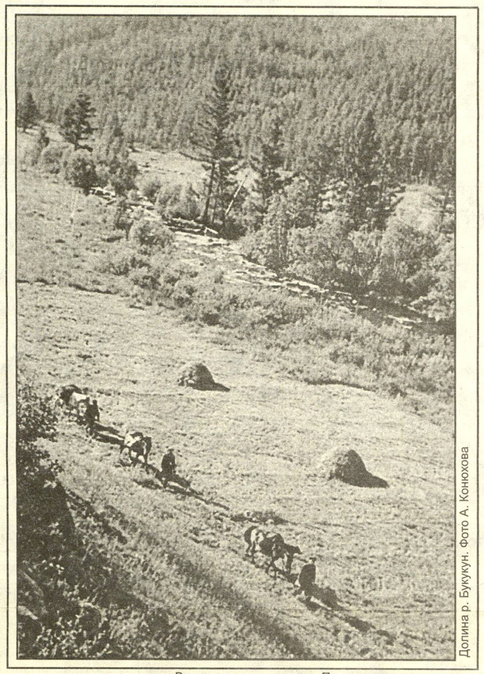
— Стра-а-а-аствуй, ми-и-ше-е-нька! — начал я нараспев, выбрасывая из слов звонкие и прочие резкие звуки, безбожно коверкая слова, на сколько возможно ласковее. — Мы в отпуске. На-ас дома-а поджидывают. Пропусти, миишшеенька. На-ам, почитай, еще месяц по тайге скитаться. Мы тебе желаем жить лет двести. Питаться пруснико́й отпорной и сладкой и кетровыми шишками вкусными…

Я молол все, что на ум приходило, лишь бы не молчать. Медведь, как бы в знак согласия, слегка покачивал головой и поводил носом, стараясь, видимо, уловить запах и жмурился, как от яркого солнца. Но ветерок тянул как раз с его стороны. Поэтому он нас поздно учуял.

Наконец, как мне показалось, зверь понял, что мы для него угрозы не представляем и, крюкнув на прощание, повернул под прямым углом. Не торопясь, двинул вверх по склону. Я и по сию пору не могу сообразить, сколько по времени длилось противостояние. Но последние силенки нас покинули, как только мы почувствовали, что опасность миновала. Ноги произвольно подкосились, и мы дружно завалились на рюкзаки. Сбросить лямки не было сил…

■

Долина р. Букукун. Фото А. Кошехова

Анатолий Громов

Рыбаки — люди одержимые. Им не страшны ни мороз, ни жара, ни ночь, ни день. Рыбалка — это не только азарт, но и общение с окружающим миром. Язык рыбака-рассказчика полон юмора, фантазии, лукавства, народной мудрости. Посидите ранним утром или на вечерней зорьке с удочкой на речке. Проведите ночь у рыбацкого костра на озере. Померзните зимой у лунки. Полейте горячего чайку из прокопченного котелка. И тогда вы поймете, что это за чудо — рыбалка!
Я с рыбалкой знаком с детства. Это — моя страсть на всю жизнь. Когда-то любимым местом ловли было у меня озеро Кенон. Искренне жаль, что оно сегодня стало не таким, каким я его знал в детстве. Кенонская рыба была тогда вкусней по сравнению с рыбой других водоемов. Особой популярностью пользовался кенонский карась. Предлагаю вам короткий рассказ, которому хотите верьте, хотите — нет…

КАРАСЕВЫЙ КЛЕВ

Карась не родня окуню. Его на оманку-пустышку не поймаешь. Четверть века назад этой рыбы в Кеноне было предостаточно. Однако не каждый рыбак-любитель мог похвастаться хорошим уловом карасей. Нередко вес этой рыбы достигал килограмма и более. Конец июня и июль — время активного клева карася. К нему у карасятников готовы удилища — многоколенки и крашеные гусиные перья на поплавках, и лодки с ажурными вырезами под удилища на корме.

Карась — большой гурман: его меню составляют и дождевые черви, и тесто, и толокно, и кукурузные хлопья, и овсянка. Очень важно эти "кушанья" правильно приготовить и подать к карасевому "столу".

Карась — рыба осторожная и хитрая. Наживку он засасывает постепенно и, как только почувствует крючок, мгновенно его выплюнет. На ловле карася требуется максимум терпения, внимания и ловкости.

Особенно памятен мне июльский день начала семидесятых. Лето тогда стояло сухое и теплое. Вода в Кеноне хорошо прогрелась и погода располагала. Рано утром я оттолкнул свою плоскодонку от берега. Восток только занялся пурпурным светом восходящего солнца. На озере в это время прохладно. Поеживаясь в легкой куртке, гребу к "своему" месту. Неделю назад я расчистил его от травы, опустил на дно подкормку. Вот, наконец, и мой пенопластовый буек.

Стараясь не шуметь, опускаю с носа и кормы лодки грузы-якоря. Одну за другой наживляю и забрасываю удочки. Все внимание сосредоточивается на четырех ярко-красных поплавках. Солнышко поднимается все выше и выше. День обещает быть безветренным и жарким. Местная эскадра рыбаков-карасятников растягивается эллипсом на почтительном расстоянии вокруг меня.

Рядом с лодкой резвятся мелкие окуньки-сеголетки, глотая планктон и мелких насекомых. Здесь, наверху, им безопасно, тепло и сытно. На крайней удочке поплавок резко уходит под воду. Подсекаю. Есть! Рыба на крючке. По поклевке чувствую — не карась. Так и есть — в сачке бьется крупный чебак. Начало, как говорится, положено. На рыбалке время пролетает незаметно. Озеро стоит как зеркало. Такое утро выпадает редко, а карась все не клюет… Прошло уже часа два, а у меня в садке за бортом всего три чебака. Впору доставать подергушки и начинать дергать окуней.

Ага, центральный поплавок чуток наклонился и медленно поплыл в сторону. Кладу правую руку на удилище, в левую беру сачок. Главное—не упустить момент подсечки. "Ну, ну, давай-же!" — мысленно тороплю. Подсекаю карася. И вот поплавок аккуратно ложится на бок. Пора. Резко поднимаю удилище. Бамбуковый наконечник гнется в дугу. Подвожу рыбину на длину ручки сачка и беру ее в сетку. И вот карась в лодке. Серебристо-золотой красавец тянет граммов на восемьсот. Жирный, широкий, как лопата, он колотит по днищу лодки мощным перистым хвостом, важно раздувая крылья своих бархатисто-красных жабр. "Что у почином", — забадриваю сам себя и забрасываю удочку. И тут началось… Поклевка следует за поклевкой. Я уже не успеваю наживлять овсяные зерна на крючки. Запутал две удочки и отбросил их в сторону… Часа через два в корме моей лодки чавкают ртами и тяжело ворочаются с боку на бок десятка три карасей. Такого у меня еще не было. Случай уникальный. Передохнув, оглядываю окрестность. Бог ты мой! Я и не заметил, как лодки облепили меня со всех сторон. Ворчат что-то мужики, дымят цигарками, плюются. Я их понимаю, сам не раз в таком состоянии был. Поймать-то всем хочется. Один рыбак не выдержал, спрашивает, на что ловлю? Честно отвечаю: "На овес.

— Да ну, — верит и не верит мне мужик, — у меня черви да тесто, вот и поймал всего трех пятачков…

— Что ж, бывает, — сочувствую рыбаку.

Время близится к обеду. Поплавки стоят, как вкопанные. На сегодня клев закончился. Да, в этот выходной у меня везуха. Сегодня мой день. Как ни крути, рыбалка всегда неожиданность, а рыбак к ней всегда стремится…

■

Дмитрий Бахаев

ПРОСТЕЙШИЙ ХОД

Если оставаться правдивым до конца, то выбранный мною день был просто никаким. Почему? Да потому, что в данном случае декорация не имеет никакого смысла. Даже если бы тогда шел дождь, или напротив — стояла невыносимая жара — ничего не изменилось бы: ни в ситуации, ни в разговоре, ни в моем собственном видении. Большинство бесед просто универсальны в этом плане, они зависят лишь от более ранних впечатлений и всегда являются продолжением некогда затеянной игры в случай. Так что и на этот раз все было предрешено заранее.

Она сидела на краю облезлой скамейки, уткнувшись в книгу и пытаясь впиться в интерьер заплеванного, убогого сквера, убежища голодных студентов и пьяных хипанов. Ее желтое платье было измято, а волосы собраны в небрежный пучок на затылке. Она не заметила, как я подошел и накрыл ее своей тенью.

— Я люблю придумывать безумные фразы — это были мои первые слова. Она подняла на меня глаза и, помолчав несколько мгновений, вступила в игру:

— А кем была ваша прабабушка?

— Она была бедной портнихой, — ответил я, — шила на заказ брюки и платья для модниц. А еще она была француженкой.

— А вы?

— Я тоже француз, но по матери грузин.

— А я полька.

— Неправда, полька — это танец.

— Правда. Я всю жизнь танцую. Танцую, когда просыпаюсь, танцую после завтрака, танцую на прогулке, потом под душем, когда остаюсь одна. Вечером перед сном, я танцую одними глазами, а потом, в темноте, я танцую сердцем.

— Дурацкая связь, — заметил я, — и к тому же, это очень часто встречается в литературе.

— Связь? — она с непониманием смотрела на меня.

— Да, глаза и сердце. Сердце и глаза.

— А ваша модель восприятия — это глаза и член?

Мне стало весело. Она почувствовала это и даже робко хихикнула. Ее руки все еще держали книгу раскрытой на середине.

— Нет, у члена свои глаза. А сердце тут ни при чем. Или почти ни при чем.

— Почти?

— Оно перерабатывает кровь. Сначала видит кровь, потом член… А глаза оценивают — стоит-ли связываться. Или связывать себя.

— Но это лишь технология элементарного съема, — она выглядела разочарованной. — Совершенно необязательно облекать это в слова. Достаточно сказать "пошли".

— А о чем мы разговаривали с самого начала?

— О душе, о смерти, о тайнах восприятия, о чувствах…

— Но разве все перечисленное не укладывается в эту схему?

— Да вы фрейдист!

Такой пошлости я от нее никак не ожидал. Присев перед ней на корточки, я заглянул ей прямо в глаза.

— Ты дура.

Я отобрал у нее книгу и зашвырнул подальше в кусты. Она не возражала. Я взял ее руки в свои и принялся нежно их поглаживать. Она пыталась сделать ироничное выражение лица. Некоторое время мы молчали. Когда я, тщательно подбирая слова, снова заговорил, мой голос звучал спокойно:

— Грязная потаскуха, мразь, проклятая стерва, свинья, идиотка.

…И потом, совсем с другой интонацией:

—Милая.

Новая немая сцена длилась около минуты. Она, казалось, взвешивала услышанное. Вопросительно глядя на нее, я пытался уловить все в деталях. Было похоже, что выигрыш на моей стороне. Внезапно она зааплодировала.

— Слушай, это здорово! — она смеялась от души. — Такой простой, похабный ходильник, такая древняя фишка… И я… я купилась!!!

В припадке хохота моя собеседница согнулась пополам. Я сходил в заросли и принес ее книгу. Эмоциональное напряжение, только что пережитое, давало о себе знать. Я почувствовал укол совести за то, что позволил себе такой примитивный пассаж с профессионалкой. А в том, что она профессионалка, я больше не сомневался. Собравшись с духом, я произнес:

— Прошу прощения за спекуляцию. Это было нечестно. Предлагаю ничью. Или реванш, если угодно.

Она, наконец, успокоилась и посмотрела на меня. На ее лице все еще была улыбка, а в глазах стояли слезы.

— Да ладно, парень, не комплексуй. Все гениальное просто, — она протянула мне руку, — это твой выигрыш. Вполне законный. В следующий раз постараюсь быть умнее. А теперь пригласи меня к себе на чашку кофе.

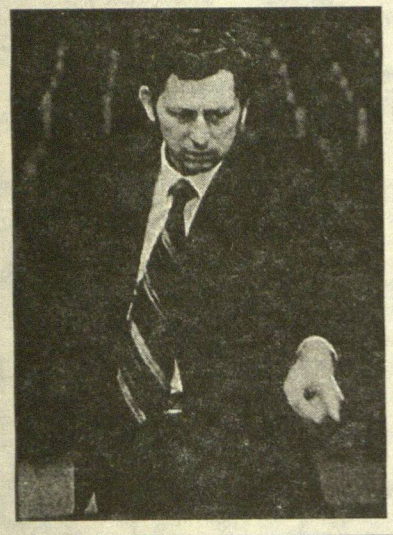
■

РАКУРС

Ходит по Чите, грустно опустив очи долу, невысокий бородатый человек, а песни его—поются. Ездит по Забайкалью, выступает на маленькой ферме, хитро поглядывая на доярок, а песни его—звучат. Рассеренный, взвинченный, самолюбивый—спорит, доказывает, несет и заносится, а песни—щемяще-нежные, таинственно-влюбленные в мир и людей—живут. Играет на фортепиано, баяне, гармошке (на балалайке и гуслях не умеет), получает звания, премии, награды, прочие именитые компезности организует, а песни—уже без его разрешения вошли в музыкальную сокровищницу, стали звучащей энциклопедией Забайкалья. И все это—он, Леонид Георгиевич Аверьянов, композитор и личность, наш современник, серьезно влюбленный в свою дачу и баньку, где и рождаются его мелодии.

Фото Виктора Дианова

ЮБИЛЕЙ-60

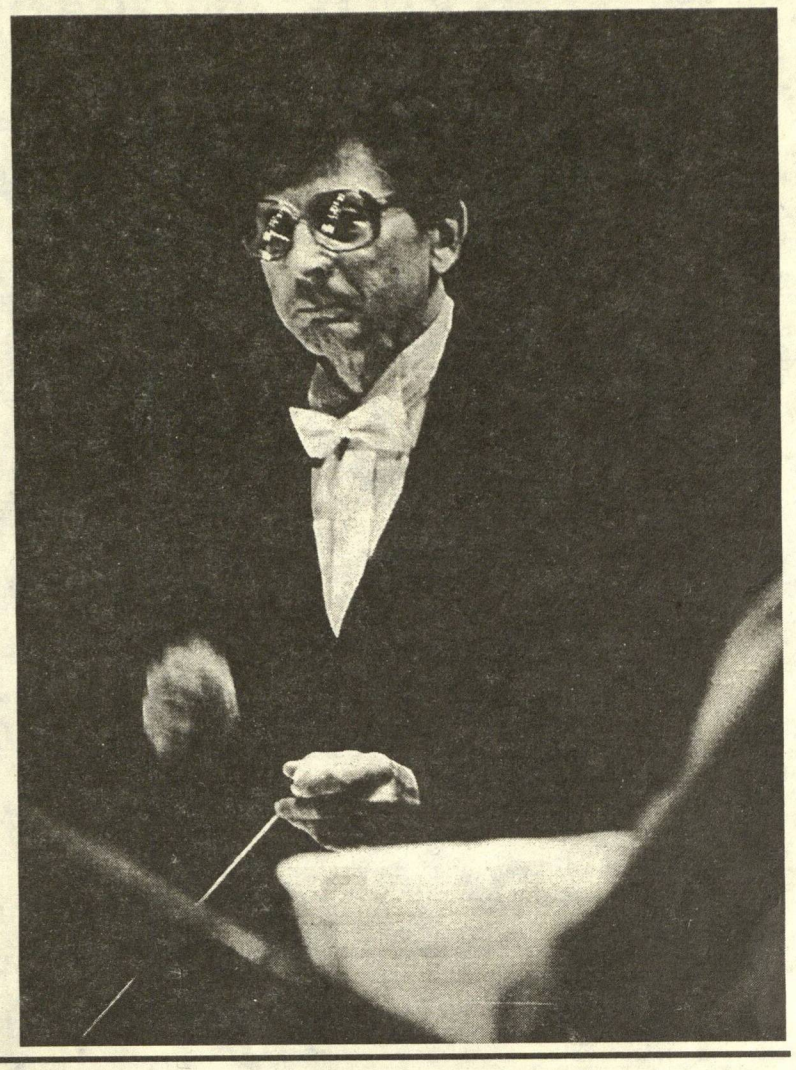
Молодость души и энергии маэстро отмечали все без исключения поздравители. А первым, как водится по рангу, директора областного музыкального училища, заслуженного деятеля искусств России Эдварда Станиславовича Маковского сердечно поздравил от имени Администрации области ее глава Равиль Гениатулин. Теплые слова привета и благодарности Эдварду Станиславовичу высказали представители президента РФ по Читинской области, Читинской городской администрации, областного комитета по делам культуры, правления ассоциации музыкальных училищ России, командования ЗабВО, областного управления внутренних дел, областного и городского фондов культуры, Читинской писательской организации, Союза художников России. Поздравили юбиляра с 60-летием многочисленные его друзья, товарищи, поклонники таланта дирижера.

Чествование, по сути, стало прекрасным концертом, на котором выступили ведущие музыкальные коллективы и исполнители Читы. Прозвучали разножанровые произведения классического и эстрадного характера.

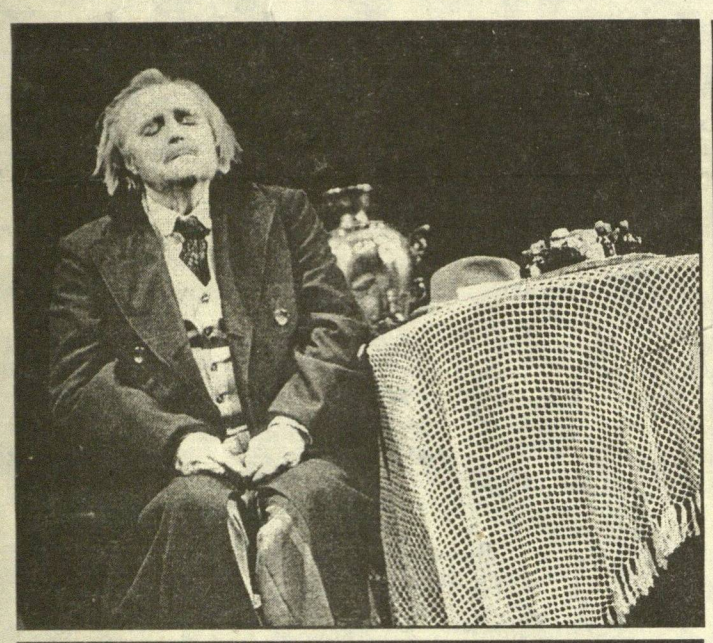
Ну и, конечно же, в ударе были питомцы самого маэстро — оркестр русских народных инструментов "Забайкальский самоцвет". Они попотели вместе со своим руководителем в первом отделении концерта. Как всегда, с огоньком и выдумкой выступили оркестр русских народных инструментов областной филармонии имени Н. Будашкина, духовой оркестр штаба ЗабВО, хор музыкального училища.

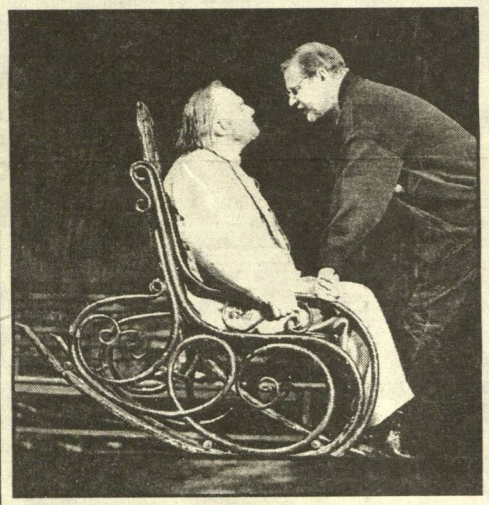

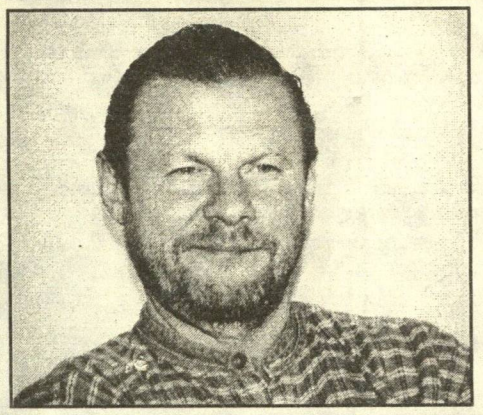
Юрий РАТИБОР.
Фото В. Дианова

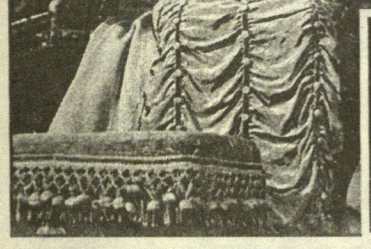
ГАСТРОЛИ

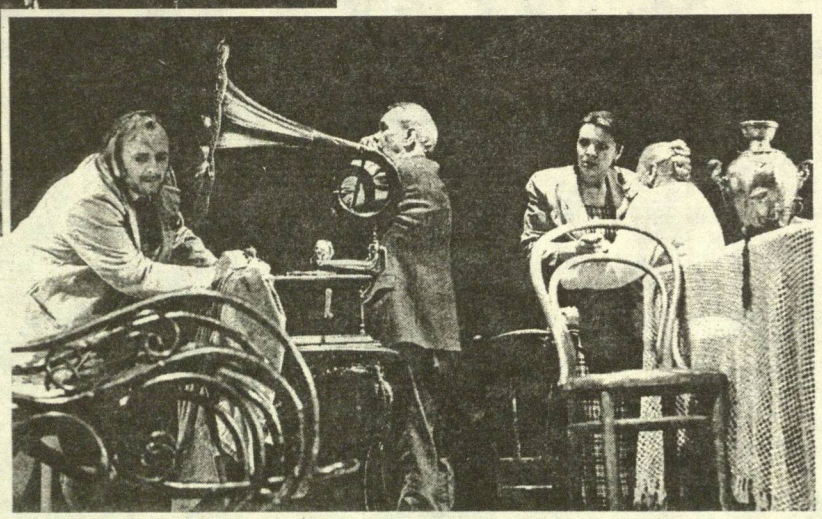

Фото Евгения Епанчинцева. Чита

Заканчиваются гастроли Государственного Академического Малого театра России в Чите.

Автор этого фоторепортажа оставил его без подписей, полагая, что театралы и без того узнают своих любимых актеров.

ВЕРНИСАЖ

ЦВЕТЫ И ЖЕНЩИНЫ

Неискушенным взглядом

Я шел вперед, но всюду замедлялись
Мои шаги при взгляде на цветы…
Данте

В художественной галерее "Калипсо" состоялась выставка, на которой были представлены работы Елены Дружининой, Альбины Масленниковой, Людмилы Выходцевой, Любови Каменевой и Ольги Чернецовой. В экспозицию вошли изделия из керамики, скульптура малых форм и живопись.

Людмила Выходцева

…Роспись по шелку, батик, акварель… И всюду цветы. Почему? Призвание (в свое время она закончила "мухинку", получив специальность "художник по текстилю"), плюс тончайшее умение проникать в тайны природы, способность почувствовать трепет цветка, дыхание земли, деревьев, камней (последнее особенно заметно в монотипии, не вошедшей, к сожалению, в эту экспозицию).

Любовь Каменева

…Краска растекалась по бумаге, создавая образы, рождая их как бы из глубины подсознания. И возникало нечто реально-зримое. Так начинались картины Любови Каменевой "Встреча с Иудой" и "Данте" (техника "водяная печать"). Возможно, в дальнейшем Каменева продолжит серию этих картин, ведь темы античности уже давно находят отражение в ее творчестве. Любовь — скульптор, но создает разноплановые работы. На выставке представлена и ее керамика "Морские мотивы".

Ольга Чернецова

…Увидеть красоту в простых вещах, окружающих нас, — творческое кредо Ольги Чернецовой. А судьба человека, словно жизнь природы — в ней есть робкая весна, цветущее лето, задумчивая осень и седая зима. Короткая, но яркая жизнь дана цветку — цветы и травы рождаются весной под теплыми лучами солнца ("Майский натюрморт") и встречают свою неизбежную осень ("Осенний натюрморт" — с плодами гранатов).

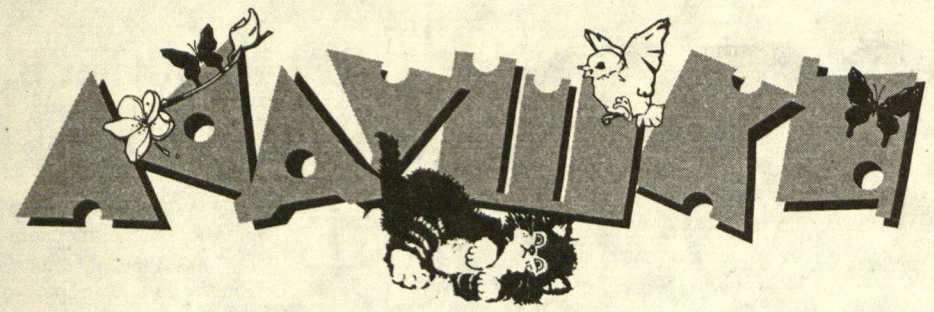

Один из любимых образов Чернецовой, присутствующий на многих полотнах, — свеча. Образ этот, по мнению художницы, исполнен философией самопожертвования — свеча горит короткие мгновенья и, подарив людям тепло, сгорает дотла.

В ближайших планах художницы — продолжить серию "Цветы Забайкалья".

На репродукции одна из работ О. Чернецовой.

Марина МИСЮТИНА
Фото Александра КАЛАШНИКОВА.

ШАРИК-ТУЗИК-РЕКС-МУРЗИК...

Борис Макаров

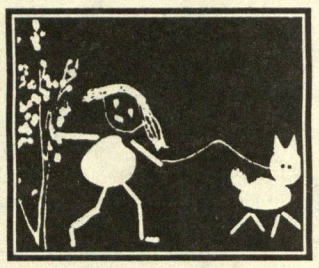
Имя у него, как у какого-нибудь родовитого испанского гранда, из десятка обыкновенных имен состоит: Шарик-Тузик-Рекс-Мурзик-Бобик и т.д. и т.п. А зовут его так потому, что он, как выразилась одна первоклашка, "всейный и ничейный" и настоящего имени его никто не знает.

Как вы, наверное, уже догадались, Шарик-Тузик-Рекс-Мурзик-Бобик и т.д. и т.п. — обыкновенный пес, каких немало рыщет по райцентру с утра до вечера в поисках пропитания. С пропитанием же нынче, мягко говоря, туговато, а, грубо говоря, совсем худо. Впрочем, это для кого как. Для многих псов — да. Для Шарика-Тузика-Рекса-Мурзика-Бобика и т.д. и т.п. — нет.

А все дело в том, что хотя он и обыкновенный пес и никаких испанских и прочих иноземных представителей в его родословной не было, умом, смекалкой, находчивостью Шарика-Тузика-Рекса-Мурзика-Бобика и т.д. и т.п. мать-природа не обделила.

...Наступает утро. Все псы, покряхтывая, постанывая, подвывая, разминают свои ревматические лапы и наперегонки мчатся к помойкам, мусорным кучам, на задворки столовых и магазинов — авось удастся поживиться корочкой хлеба или головкой селедки...

Шарик-Тузик-Рекс-Мурзик-Бобик и т.д. и т.п. не спешит. Он спит до девяти. Потом не спеша встает и с полчаса занимается туалетом — тщательно вылизывает лапы, бока, хвост и только затем идет завтракать. И поздний выход, и кропотливая работа над туалетом не случайны.

Прогулка.
Рисунок Тани Борисовой, 12 лет.

Его маршрут пролегает по многочисленным организациям и учреждениям. А они, как известно, начинают действовать с девяти утра. Подходит он к ним не с задворок, а прямо к парадным дверям. Ждет. Виляет красивым, ухоженным хвостом. Под ноги ни к кому не лезет, но и удобный момент не пропускает.

Открывает не очень бдительный посетитель того или иного учреждения дверь, и пес проскальзывает внутрь. Спокойно, по-хозяйски уверенно идет он по длинным коридорам, заходит в открытые двери даже самых важных кабинетов и усиленно крутит хвостом. Взгляд Шарика-Тузика-Рекса-Мурзика-Бобика и т.д. и т.п. открыт, добр и радостен. Кажется, еще мгновение, и пес скажет: "С добрым утром, друзья!". Сидящие в кабинетах люди пока еще не задерганы работой и поэтому тоже добры и приветливы. Самые щедрые из них открывают тумбочки столов, роются в сумках, достают бутерброды, пирожки, булочки, припасенные к одиннадцатичасовому чаепитию, почти узаконенному в каждом учреждении, и делятся ими с гостем:

— На, Шарик.

— Перекуси, Бобик.

— Возьми, Рекс...

Шарик-Тузик-Рекс-Мурзик-Бобик и т.д. и т.п. одинаково вежливо реагирует на все эти имена, аккуратно съедает угощение и, обойдя все кабинеты, направляется в следующее учреждение, организацию.

Там все повторяется в заведенном порядке.

Насытившись, пес уходит отдыхать. Где он живет-отдыхает — не знает никто, ведь он "всейный и ничейный", о чем, кстати, тоже не знает никто, кроме той самой догадливой первоклашки.

За судьбу Шарика-Тузика-Рекса-Мурзика-Бобика и т.д. и т.п. можно не беспокоиться. Он отлично приспособился к новым условиям жизни — к обилию разных учреждений и организаций, к обилию сидящих в разных кабинетах чиновников, к обязательному требованию выглядеть респектабельно, действовать уверенно и даже нахально, но при этом не забывать смотреть доброжелательно и помахивать хвостом. Желательно красивым хвостом. ■

Галя Климович

Старушки

Старушка смешливая
читала газету,
Старушка серьезная
читала газету,
Старушка сердитая
читала газету...
Читали старушки
Вблизи и вдали —
Ни слова, ни буквы
Прочесть не могли!
К глазам подносили
И отводили.
Вот так и вот этак
Газету крутили.
Первой старушке
Вдруг весело стало.
Серьезной на ухо:
— Пш-пш-ш, — прошептала.
Старушке смешно,
Так смешно-пресмешно!
И обе к сердитой
Полезли в окно...
— Газету читают,
Старая, слышь?
В уши шепнули,
Вот слышите:
"Пш-пш-ш"...
Смеется старушка,
Рада старушка,
Звяк на столе
Оловянная кружка!
И громко чихнула
Старушка: "Апчхи!
И правда, куда
Подевались очки?"

Макароны

Макароны, как вороны,
Только не усатые.
На тарелке, как на троне,
Важные, пузатые.

Георгий Юренсон

ШЕРЛОВОГОРСКИЕ ШИРЛЫ

Один из крупнейших знатоков камня Герберт Смит еще в начале века заметил: "...изумительные голубые, зеленые и желтые бериллы в ассоциации с топазом и дымчатым кварцем встречены в пегматитах хребта Адун-Челон в Забайкалье". Адун-Челоном долгое время, с легкой руки Кулибина, горного инженера, назывались массив Адун-Челон и Шерловая гора.

Действительно, по чистоте окраски, яркости и причудливости игры редкий аквамарин мог сравниться с нашим, забайкальским. Первые официальные материалы о находке аквамарина на Шерловой горе относятся к 1723 году, когда нерчинский казак Иван Гурков сделал заявку об этом. Его открытие обозначило целую эпоху в развитии добычного дела камней-самоцветов.

История освоения Шерловогорского месторождения ювелирного берилла типична для месторождений самоцветов. Будучи открыто в 1723 году, оно официально было признано за таковое лишь в 1788-м, после подтверждения его ценности иноземцами.

Шерловая гора — это не только аквамарин. Она — практически единственный источник другой ювелирной разновидности берилла — гелиодора. Редкой красоты чайные и золотистые гелиодоры добывались в Миллионной копи, в копи Гелиодоровой, находящейся с ней по соседству, и на Золотом Отроге. Он и название свое получил, вероятно, от золотистых и зелено-желтых самоцветов, здесь добывавшихся. Золотистые гелиодоры ценятся выше многих аквамаринов и пользуются спросом на мировом рынке. Правда, особо крупных огранoчных гелиодоров Шерловая не давала, но красота их бесспорна, и камни, из которых можно получить граненую вставку в кольцо или сережки массой в 1–3 карата, здесь не редкость. Простая промывка старых отвалов и россыпей показала, что с кубометра рыхлой массы можно получить до 50 г ювелирных камней. А это оправдывает любые затраты. Реальная цена граненой вставки шерловогорского гелиодора в 1–3 карата составляет 10–30 долларов.

Здесь добывали и ювелирные разности кварца — розово-дымчатый раухтопаз и золотистый цитрин. Кристаллы их тоже невелики. Всего-то 1–5 см в длину и достигают их ювелирные головки. Но красота компенсирует величину: ограненные, они не уступают лучшим камням других месторождений.

Еще один самоцвет известен на Шерловой — топаз. Он не образует здесь всей присущей ему цветовой гаммы, и встречаются лишь бесцветные, редко голубые и, еще реже, желтоватые кристаллы его. Да и среди них не часто попадаются камни ювелирного качества. Но тем не менее, они есть. А если учесть истощенность уральских месторождений, то и наши топазы идут в дело. Во всяком случае, у жителей Шерловой горы их приобретают заезжие перекупщики.

Однажды один предприимчивый офицер пригнал сюда бульдозер и экскаватор. И с первой попытки на так называемых Пятисотке и Белотопазовой вынул великолепные друзы топазов. А сколько всего камня добыто местными жителями и продано за бесценок заезжим перекупщикам? Об этом не знает никто.

В общей сложности за более чем 270-летний период Шерловая гора дала, только по официальным источникам, более 1,4 тонны ювелирного аквамаринового и гелиодорового сырья. По официальным данным, на Шерловой горе имеются запасы ювелирного камня для деятельности добычного предприятия на многие годы. И предприятие это есть, а добычи, экономически выгодной, почему-то нет.

Шерловая гора пережила взлеты и падения не только в связи с самоцветами. Открытое в 30-х годах Шерловогорское месторождение олово-полиметаллических руд отрабатывалось многие годы. А теперь Шерловогорский ГОК объявлен банкротом и пущен с молотка, хотя запасы руд далеко не исчерпаны.

А ведь когда-то, в добрые, теперь уж старые времена, и ширлы (так назывались в народе любые удлиненные прозрачные кристаллики, и гораздо не Шерловая, а Ширлова была), и вольфрамит, и касситерит, и висмутин, что добывали из россыпей, и олово, свинец, цинк, и редкие кадмий, таллий, галлий, индий составляли гордость, славу, богатство и хлеб насущный этой знаменитой местности...

В Адун-Челонском гранитном массиве, западнее Шерловой горы, с 1829 года известны пегматиты с аквамарином, гелиодором и топазом. Самоцветы находятся в полостях — камерах — центральных частей пегматитовых тел. Полости достигали в поперечнике до 3-х метров, а прозрачные ярко-голубые и голубовато-зеленые аквамарины — 10–15 см в длину при 3–4 см в поперечнике. Особенно красивы такие кристаллы при рассматривании их с торцовой грани их головки. Создается полная иллюзия погружения в волнующуюся стихию безграничного полуденного моря. А мелкие дефекты лишь усиливают ощущение реальности, и море кажется населенным редкими сказочными существами, чуть колышущимися в толще морской воды. И трудно поверить, что это чудо добыто из липкой красно-рыжей глины, где оно пролежало миллионы лет. Лишь вымытый чистой водою, увидев солнца свет, кристалл становится живым и, вспыхнув, трепетно сверкает, отражая и испуская животворные лучи.

На месторождении, ценность которого считалась утраченной, лишь в 1988–1991 годах были открыты новые тела с самоцветами и добыты десятки килограммов великолепных ювелирных камней — аквамаринов, топазов, гелиодоров и морионов — так называют черный ювелирный кварц.

Самый крупный кристалл аквамарина, добытый в России в 1796 году весом 82 кг, происходит из Восточного Забайкалья. Методом исключения следует предполагать, что вынут он из занорышей Шерловой горы либо Адун-Челона.

Как видим, есть самоцветы...

Что же мешает использовать это богатство и хоть как-то облегчить жизнь тех, кто живет на этой земле, дать приток денег в казну области?

Прежде всего, государственная налоговая политика, направленная на уничтожение российского предпринимателя, и беспредел чиновников. Главная же причина — в чрезвычайно низкой покупательной способности населения в жизненноактивном возрасте. Это и определяет общую дешевизну изделий из природного камня. Фактическая потребительская стоимость изделий из природного камня оказывается ниже тех затрат, которые необходимо сделать, чтобы выпустить ту или иную партию изделий.

В современных условиях едва сводят концы с концами только мастерские, где заняты 2–3 человека, либо одиночки. Они практически не покупают сырье, так как многие в прошлом работали в почти уничтоженной теперь геологической отрасли и знают, где можно самим, не неся несоразмерных стоимости сырья затрат, взять его фактически бесплатно, либо сырье достается способом натурального обмена.

Если же предприятие по обработке камня будет строго действовать в рамках закона, оно не способно выжить.

Не развиваются либо находятся на грани банкротства даже предприятия по огранке алмазов в бриллианты. Правда, здесь есть и другие причины — стремление задавить российских огранщиков с тем, чтобы западные компании могли покупать наше сырье.

Гранить мелкий камень, изделие с которым может купить незначительная часть населения среднего достатка, невыгодно. А крупные камни — вообще, редкость. Теперь потребителями ювелирных изделий с гранеными вставками из натурального камня стали так называемые новые русские, которым нужны перстни-печатки с "брюликом". На другое в силу кастовой и генетической ограниченности они деньги тратить не станут.

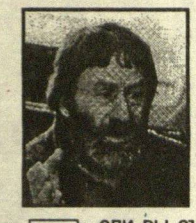
Так где же выход?

Он — в поддержке собственных производителей ювелирных изделий путем снижения налогового бремени с добывающих и перерабатывающих предприятий. Надо найти способ помочь, например, Забайкальскому ювелирному заводу приобрести золото, освободив на 2–3 года от налогов. При этом предприятие, добывающее огранoчное сырье и обязующееся поставлять его этому заводу, поставить в такие же льготные условия. И тогда этот тандем, скажем, "Берилл-3", имеющий все лицензии на недропользование на Шерловой горе, и ЗабЮЗ с помощью областной администрации выживают вместе, выходят на проектную мощность и начинают приносить доход в областную казну.

Другого способа дать дорогу в рынок, в люди шерловогорским самоцветам нет. А они того стоят. ■

ДРЕБЕЗГИ

СЮЖЕТЫ ОДНОГО АВТОРА

Рюрик Карасевич

Лет достаточно, но тем не менее

ЮАНЬ ВАМ В РУКУ!

Если вы съездили в Маньчжурию — это ничего не значит. Точнее, это значит, что в Китае вы не были. И не надо ля-ля.

Туристский сюжет незатейлив, как речь российского депутата. Вы заполняете на себя анкету, опуская интимные частности, платите в кассе и получаете заграничный паспорт, и — орэвуар, адью, чао, довидзеня, байбай…

Вокзал. Вагоны коммерческого поезда с трафаретом "Чита — Забайкальск". Табор вояжеров за ближний бугор: нехлипкие дамы, в чьих манерах угадывается неординарность социального положения, крепкосколоченные мужики полуспортивного покроя, слишком ухоженные, чтобы заподозрить их в принадлежности к пролетарской прослойке.

Однако — пора, и временная обитель временного коллектива подельщиков плавно отчаливает с первого пути, не оставляя на перроне ни одного провожатого, прощально машущего или слезливо сморкающегося.

Такие поезда не провожают.

Железная гидра фирменного состава неспешно отматывает километры восточного направления, и в перестуке колес, шипении тормозов и грохоте мостовых пролетов не слышен застольный гомон купейного позднеуженья с неистребимым российским чоканьем.

Глотнув проклятущей, пухлогубые дамы кривятся и стучат ладошкой по шестиномерной груди — как эту гадость пьют мужики?..

Мужики нарочито небрежно закидывают стопаря, маслянеют глазами и осторожно пробуют тему об этом самом…

Ах, туризм! Ах, эти привальные костры и прикольные песни! Это пахнущая дымом похлебка и шуры-муры под одобрительным взглядом сексуальной Селены… Ах…

В этом абзаце я намерен был произнести яркий спич, посвященный прелестям любимого нами туризма. Только — хоп! Отходили, отпели, отпили, отселенились в буераках. Нынче не те времена.

Нынче — стольники, штуки, лимоны, йены, юани, баксы…

Нынче — офицерские шинели, цветной металл, меха, электросервис, сигаретные блоки, панты, фетр, оптика…

На нашей таможне одни Кашпировские, Пронины и Штирлицы. Все видят, все знают, все ведают. Лица непроницаемы, взгляд с прищуром, текст лапидарен — "это нельзя…". Земляки отважно улыбаются, ощущая пятками собственную душу.

У них на таможне — цветной рентген и сплошные китайцы, тоже с прищуром во взгляде, но врожденным. Все в белых перчатках, вплоть до последнего сопливого солдатика, подметающего крыльцо стеклобетонного здания просоветской архитектуры.

Рентген окончен, криминала нет и потому — хай, бонжур, нихао, привет зарубежу с явными признаками агинских степей и борзинского пленера.

— Скажите, а Великая Китайская стена далеко?..

Итак: лучшая в Маньчжурии гостиница "Интурист" с традиционными китайскими матерчатыми фонариками и крупными иероглифами на фасаде, видимо, сообщающими о том, что я написал после слова "итак".

Затем маньчжурские гости въезжают в обшарпанные комнаты интуристского ковчега, набивают пустые желудки всем, что подано на обед и глухо отрыгивая непонятными азиатскими приправами, мчат на рынок.

Бедлам, бардак, хаос — это на первый взгляд. На второй — тоже. Крытый двухярусный рынок под завязку наполнен товаром, какой есть у нас в любом заграничном Львове. Но цены! По нашему нынешнему разумению и карману здесь все почти бесплатно.

Скромненько стою в углу какой-то лавки, изображая саму непосредственность и некоторое смущение. Впрочем, я действительно впервые выступаю в роли барыги — продаю свое чешское пальто. Черноволосая прилавочница кладет тренированный глаз на мою вещицу, не переставая хихикать, обменивает ее на кожаную куртку…

Ровно через десять дней поздним читинским вечером этот кожан с меня снимут парни с небольшим складным ножичком и быстрыми ногами.

Все — финита ля коммерция!

И каждый счастлив в степени, пропорциональной стоимости приобретенной товарной массы, естественно, в ценах российских толкучек.

Мои друзья утверждают, что я не очень похож на идиота. Ну, если и есть чуток, то не настолько же, чтобы предавать анафеме козырную идею вот такого прикладного туризма.

Мое эстетическое начало отнюдь не коробит прагматизм не павших духом россиян. Срывайте день, господа, как рекомендовал Гораций! Въезжайте в рынок! Пусть для начала — в соседний рынок махонького городка огромной азиатской страны с недлинным названием Чжунхуа Жэнминь Гунхэго. Привет!

■

ОСТАНОВИТЕСЬ, РЕБЯТА!

Когда в моторе что-то засвистело, я позвал соседа по кооперативному гаражу слева. Он послушал и небрежно махнул рукой:

— Пара пустяков. Возьми ключ на семнадцать, вот эту гайку отверти, эту проверни два раза и снова затяни.

Я так и сделал: отвернул, провернул, затянул. Свистит. Тогда я пошел к соседу по гаражу, который справа. Он замер, как легавая в стойке и сказал:

— Возьми ключ на тринадцать. Здесь не трогай, это подтяни, тут немного ослабь, а вот сюда, смотри, пару капель масла.

Я взял, подтянул, ослабил, капнул. Завел мотор — свистит.

Иду к соседу напротив. Он как раз закусывал. Ты, говорит, вовремя пришел, давай чуток прими. Принял. Идем в мой гараж. Слушаем — свиста нет. Он первым догадался: заведи, говорит, мотор. Я завел — свистит. Сосед поковырялся в ухе. Пойдем, говорит, у меня там еще осталось. Через час вернулись к моей машине. Завели — звук, вроде, помягче, но есть.

— Ты что, неврастеник? — спрашивает сосед.

— Почему?

— Потому что реагируешь на каждый пустяковый свист. Делай как я. Прежде чем мотор завести, вруби маг. Ничего не слышно — одна музыка.

На следующий день, как советовал сосед, я сначала ткнул кнопку кассетника с записью Аллы Борисовны, а затем завел мотор. "Все могут короли…" — и никакого свиста. Проехал пол-пути до работы — свист усилился. Я добавил уровень на магнитофоне. Через километр меня обгоняет машина ГАИ, показывает на обочину. Торможу. Подходит сержант, козыряет:

— У вас это автоклуб?

— В каком смысле? — спрашиваю.

Вместо ответа он вынул стеклянную трубочку, дыхните, говорит. Я дыхнул. Трубка, — как слеза дошкольника. Но инспектор все же велел поставить машину в гараж как технически неисправную. С ГАИ не поспоришь. Разворачиваюсь. На обратном пути в моторе вдруг что-то заскрежетало, потом бабахнуло. Я растерялся и выпустил руль…

Через месяц с меня сняли гипс и приписали ходьбу. С тех пор, гуляя по сложно-пересеченной местности, я часто подхожу к обочине загородного шоссе и пытаюсь остановить машины, чей свист в моторе весело заглушают оркестровые синкопы. Я хочу сказать: "Подождите, ребята, я поделюсь с вами своим печальным опытом…".

Но машины не останавливаются. Они пролетают мимо, словно очень спешат попасть в стерильный свет безтеневых ламп операционной ближайшего отделения травматологии.

■

Общеизвестно, что цифра семь в мифомире сакраментальна. Именно семь лет назад мне-таки удалось побывать на одном из островов Японии. И потому я предлагаю будущим вояжерам в Страну Восходящего Солнца эти, на мой взгляд, полезные заметки.

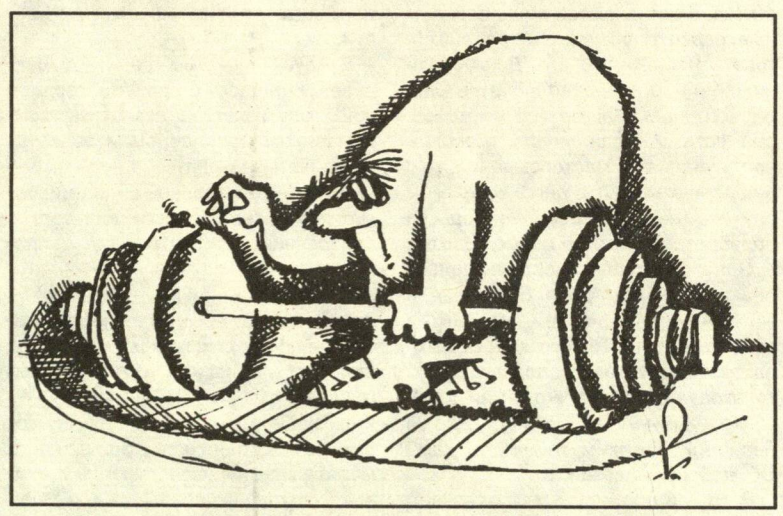
ПАМЯТКА ДЛЯ БУДУЩИХ ВОЯЖЕРОВ НА ОСТРОВА

- Если вы увидели японца без белой рубашки и галстука, значит вы в бане."
- Если вы встретили небритого служащего японской фирмы, значит вам нужен окулист.
- Если японский деловой человек опоздал на рандеву с вами на пять минут, сдайте ваши часы в ремонт.
- Если по вашему мнению японский таксист обсчитал вас, значит с детства вам сильно не давалась арифметика.
- Если японская женщина не показалась вам изящной, значит либо это не японка, либо это не женщина.
- Если японский собеседник любезно придвинул вам пепельницу, значит до этого вы стряхивали сигарету на пол.
- Если вы заказали на ужин лягушачьи лапки и вам принесли блюдо через три минуты, значит четыре минуты назад эта лягушка еще жизнерадостно квакала.
- Если вы вошли в помещение и ощутили свежий запах хвои, значит вы в туалете.
- Если японка-продавец сильно засмущалась, когда вы вскинули свой большой палец вверх, показывая этим, что покупаете хороший товар, значит вы не знаете, что этот жест намекает на определенное мужское желание.
- Если в японском национальном театре вы восторгаетесь изящной игрой актрис, значит вы делаете комплимент мужчинам, которые исполняют здесь все женские роли.
- Если в Японии человек вам не кланяется и не произносит слова благодарности, значит вы беседуете с кем-то из членов вашей делегации. Если же кто-то из членов вашей делегации начал кланяться, значит он плохо закусывал."

Из неизвестного, но уже давно опубликованного.

«ЧИТА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 23-90-08, 23-88-16

Выходит один раз в месяц.

Зак. № 1238

Набор и верстка
АО СТС г. Чита.

Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Михаил Вишняков
(шеф-редактор),
Георгий Граубин,
Евгений Куренной,
Рюрик Карасевич
(отв. секретарь),
Игорь Портнягин,
Вячеслав Толкалин